

— В двадцатых числах апреля неутомимый Мизун проводил семинар по моделированию полярной ионосферы, на который приглашал людей сугубо "по делу". Пригласил и нас с Саенко. Для экзотики (а, впрочем, и удобства) семинар проводился не в институте (ПГИ) и не в гостинице ("69-я параллель"), и вообще не в Мурманске, а в Верхне-Туломском - посёлке на реке Тулома, километрах в восьмидесяти от Мурманска.

Вид на Тулому со стороны ГЭС.

— Посёлок этот возник лет десять назад при ГЭС, которую построили финны по договору с нами. Они же построили и посёлок, в котором жили сначала сами (во время строительства ГЭС), а теперь его занимали работающие на ГЭС и в леспромхозе. Леспромхоз этот валит лес - сосенки с диаметром ствола сантиметров в двадцать от силы и продаёт его... финнам, живущим рядом, но свой лес валить не желающих и предпочитающим покупать его у русских. Когда мы свой лес изведём, будем покупать у финнов, но платить будем, наверное, дороже. Однако это когда ещё будет.

— Посёлок из одноэтажных аккуратных домиков, большей частью деревянных, конечно, симпатичен и резко контрастирует с прочими населёнными пунктами Мурманской области традиционного советского образца. Нас поселили в нечто вроде общежития или гостиницы, используемое теперь в качестве пансионата для отдыха трудящихся со всего Кольского полуострова. Тоже одноэтажное, но кирпичное строение, отлично отделанное и снаружи, и внутри пластиком, который выглядит недавно положенным. Увы, следы варварства постояльцев видны повсюду - разбитая финская сантехника, расщеплённые двери - кидали ножи, исписанные стены. Тем не менее загажено не всё, и в целом внутри приятно. Рядом уютный Дом Культуры, где и заседали, магазины, куда бегали, всё близко.

— Выезжая из Калининграда, где погода была ближе к летней, чем к весенней, я надел, конечно, пальто (точнее сказать - пальтишко) - как никак в Заполярье еду, но надевать-то надо было полушубок - стояли морозы в десять-пятнадцать градусов, а в первые два дня ещё и с ветром, так что на улице я дуба давал. Потом, правда, ветер стих, дни были солнечные, снег искрился, скрипел под ногами, и я чувствовал себя прекрасно. Ясные морозные зимние дни я любил с детства ещё, с сестрорецких и песочных времён. В Калининграде же эта прелесть отсутствует начисто, и только бывшие поездки в Апатиты напоминали мне о том, что есть ещё и такое счастье.

—Семинар проходил интересно. Познакомился я с Гальпериним - известным магнитосферщиком. Он показался мне приятным человеком, хотя и не без пижонства. Незримо присутствовал на семинаре и Осипов - он беспробудно пил вместе с Шабанским и из номера не выходил. Его аспирант из Ростова - Саша Можаяев, здоровый черноволосый парень, работы которого с Осиповым были хорошо известны нам с Клименко и Саенко, приехал в Верхне-Тулумский из Мурманска на попутном мотоцикле, как только не обморозился! Уселся рядом со мной и Власковым в коридоре и стал расспрашивать Володю, кто приехал, говорят, Намгаладзе здесь, приставать к нему будет, наверное, на докладе. Я сказал, что я - Намгаладзе, и зря он меня боится - приставать к нему не буду. Так мы и познакомились. Был Жора Хазанов, Аллочка Ляцкая (как раз перед разводом, а я по-прежнему ни о чём не догадывался), все мурманчане, разумеется, во главе с Власковым (Мизуна уж не считаю), замотанным и задёрганным оргхлопотами.

—Полярной ионосферой мы с Саенко только начали ещё интересоваться, оригинальных результатов практически не было, но в дискуссиях участвовали активно. Я вытолкал Саенко рассказать о его результатах по аналитическому описанию перераспределения плазмы при электромагнитном дрейфе в дипольном геомагнитном поле (инвариантность N/B^2 , нестационарное формирование плазмопаузы), и Юра неожиданно для себя выступил очень хорошо, произвёл впечатление на аудиторию и заслужил одобрение Гальперина.

—Саенко всё больше отходил от экспериментальных исследований, от ИДК, зарылся в теорию, всё старое забросил и подумывал уже о диссертации на новую тему - аналитическое исследование ионосферных эффектов электрических полей. Меня он уговаривал быть научным руководителем вместе с Зевакиной, почему-то ему так хотелось. Я сначала упирался - сам, мол, всё делаешь, а я здесь причём? - но потом согласился, обещав помощь сугубо редакционного характера при написании диссертации. Ну, а здесь я ещё выступил и в роли рекламатора саенковских результатов, помогая ему преодолеть накатывавший на него на людях комплекс неполноценности. Отношения у нас с ним давно уже сменились с былой настороженности и недоверчивости на взаимопонимание с признанием и терпением несхожести наших характеров и взглядов.

Саенко, я, Макарова, Хазанов и другие у входа в Верхне-Тулумскую ГЭС, апрель 1978 г.

Водили нас на экскурсию на Верхне-Тулумскую ГЭС. Есть что посмотреть. Самое интересное, что ГЭС построена... под землёй! Поясню. Тулома вытекает из расположенного на возвышенности озера. Так вот проектировщики - финны рассчитали, что выгоднее расположить турбины в подземном зале на берегу озера на необходимой глубине, а оттуда пробить водостоки к озеру и к Туломе.

Так и сделали. Выбранной скальной породой перекрыли старое русло Туломы и подняли уровень воды в озере, причём на строительство плотины шла порода, которую выгребали не просто из какого-нибудь карьера, а из будущего помещения ГЭС, водосброс же направили по новому руслу в Тулому значительно ниже запруженного теперь места, где она вытекала из озера.

Позаботились вроде бы и о рыбе. Осенью вверх по Туломе в озеро идёт на нерест сёмга и кумжа, а потом скатывается обратно. Для неё сделали специальный рыбоотводный канал, тоже под землёй, а чтобы рыба не лезла под турбины, установили специальные устройства, отпугивающие током от мест, куда рыбе идти не следует. Канал ступенчатый, и вверх рыба идёт, перепрыгивая через ступеньки высотой около полуметра каждая, как она это делает и в природе, пробираясь на нерест даже вверх по водопадам. Есть там и камера, где подсчитывается количество прошедшей рыбы. В общем, всё предусмотрено и сделано как в Шотландии. Только там почему-то рыба охотно идёт по таким каналам, а здесь нет, и проход благородной рыбы по Туломе вверх на нерест после строительства ГЭС резко сократился. На экскурсию нас водили по туннелю, пробитому в скалах, через который вывозили породу. Поразило меня то, что там, под землёй, рыбачат! В этом самом рыбоотводном канале, куда, помимо идущей на нерест, заходит и всякая другая рыба, в том числе, говорят, и ряпушка. В заключение семинара Мизун решил организовать всеобщий выезд на зимнюю рыбалку. Руководить этим мероприятием он пригласил одного заядлого любителя подлёдного лова из Мурманска, знакомого ему школьного учителя. Тот заготовил на всех снастей и червей и очень переживал за успех

дела.

—Повезли нас рыбачить километров за сорок от Верхне-Тулумского на какое-то небольшое озеро. Накануне вечером состоялся "товарищеский ужин", то бишь банкет, и на рыбалку многие выехали с более или менее тяжёлого похмелья. Саенко, тот и вовсе уснул в холле на диванчике, возле камина, где пели песни, а до того его весь вечер охмурыла Рая Кукушкина из Лопарской. Наутро Саенко очень страдал и во искупление грехов поехал добровольцем за спиртом и вином для "рыбаков".

—Серьёзно ловить рыбу никто, собственно, и не собирался. Так ехали, подышать воздухом, посмотреть природу. Многие взяли напрокат лыжи и везли их с собой. На автобусах мы подъехали прямо к озеру. На берегу стояли, поджидая гостей, ... несколько пар здоровенных валенок, подклеенных резиной. Я напялил одну из них вместо своих полуботиночек и ринулся по снегу к наготовленным уже лункам.

Рыбалка с Аллочкой Ляцкой, апрель 1978 г.

К моему удивлению глубина под толстенным льдом оказалась небольшая - около метра. Ловить пытались на маленькие блёсенки с насаженным на крючок червём. Самым настойчивым рыбаком оказалась Аллочка Ляцкая, ей удалось выловить несколько голяничков размером с мой указательный палец. Руководитель наш выловил окушка граммов на сто, после чего решили перебраться на другой край озера, где чернела кучка рыболовов.

Здесь я, наконец, увидел, зачем люди сюда ездят: у лунок лежали кучки выловленных сижков, штук по десять пятнадцать салачьего размера, то есть сантиметров по двадцать от головы до хвоста. Некрупные, скажем так, экземпляры, зато рыба благородная! Клёв, однако, к нашему приходу уже кончился, и ничего путного нам выловить так и не удалось. Мы этим не очень-то и огорчились, тем более что "для согреву" привезли спирт и остатки закуски со вчерашнего банкета. Спирт пришелся весьма кстати, народ повеселел и с песнями оправился обратно.

В тот же день мы должны были выезжать из Верхне-Тулумского в Мурманск. Мы с Саенко укладывали вещи у себя в комнате, как услышали за дверью в коридоре какой-то шум, кто-то вроде боролся с кем-то, затем раздался грохот бьющегося стекла. Мы выскочили в коридор. Перед нами предстала незабываемая картина. В огромном, от потолка почти до пола, в три стекла окне коридора зияла неровная пробоина от середины окна до подоконника, а снаружи за ней по снегу, лежавшему вровень с дырой, извиваясь, по-пластунски быстро полз человек, оставляя за собой кровавый след.

От автобусов, в которые уже рассаживались отъезжающие, к нему бросились Мизун и ещё несколько человек. Ползший вскочил и бросился от них в сторону, но упал, к нему подбежали, схватили под руки, он вырывался, сопротивляясь отчаянно, как

приговорённый к смертной казни, и заливая всё и всех вокруг брызжащей откуда-то кровью. Всё-таки его скрутили и на одном из автобусов повезли в медпункт.

— Несчастливым оказался учитель, возглавлявший наш поход на рыбалку. Мизун утверждал про него потом, что он человек положительный и не пьющий. Но здесь с ним случился самый настоящий приступ белой горячки. Пить он начал, как и все, вчера на банкете, потом мало спал, не позавтракал, выпил на льду после рыбалки, и, наконец, доконал его стакан, преподнесённый кем-то в пансионате уже перед самым отъездом. Из номера он вышел, качаясь, ребята из ПГИ поддерживали его под руки, и тут ему невесть что почудилось, что его куда-то не туда ведут, он рванулся, раз, другой, его удержали, потом вроде успокоился и вдруг рванулся снова, вырвался и сиганул головой прямо в окно, пробил три стекла, выбросился на снег и пополз. К счастью, сильно порезал он только руку в запястье, откуда и хлестала кровь. Его и в медпункте долго не могли утихомирить, и вид у него был совершенно обезумевший.

— Вот таким дурацким аккордом закончилась сия экзотическая поездка. В Мурманске мы с Саенко ночевали у Власкова, совсем уже очумевшего к концу семинара - ему ещё и со страдальцем пришлось возиться, но от этого ничуть не менее гостеприимного. На следующий день улетели.

[\(продолжение следует\)](#)

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)